ЕВГЕНИЙ МОСКВИН

e.moskvin@bk.ru

ЧИСТАЯ ФОРМА ОБЩЕНИЯ: ДИСКУРСИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ

В этой статье мы обсудим результаты нашей попытки концептуализации категории Г. Зиммеля «чистая форма общения» в контексте институциональных механизмов.

Мы полагаем, что такая постановка исследовательской задачи выводит нас на ключевой вопрос социологии – «Как возможно общество?». Зиммель, как известно, признавал «загнанность» индивида в сети разнообразных – преимущественно рассогласованных и раздробленных - социальных типов, социальных процессов, сценариев развития, но при этом решение этой социологической трагедии он видел в осознании индивидом возможности общества. Освоение социальных конвенций, умелое исполнение своей роли придает индивиду свободу так же, как актёр приобретает свободу в ходе сценического перевоплощения. Выражение этого мы находим в реализации чистой формы общения.

Ирвинг Гофман формулирует ответ на главный социологический вопрос в терминах «фрейма», «ключа», «переключения», «работы лица» и так далее. Мы могли бы сказать, что этот ответ более детализирован и дает актеру, поставленному Зиммелем в трагическое положение, реальные, конкретные способы, приемы взаимодействия в ситуации, происходящей лицом к лицу здесь и сейчас. Гофман описывает «инструменты» (если мы прибегнем к сугубо утилитарной метафоре), с помощью которых индивид может стать актером, вовлекающимся в социальное взаимодействия сознательно и умело.

Ван Дейк представлял фреймы в качестве концептуальных схем, организующих сознание. Мы можем взаимодействовать в обществе благодаря общей системе интерпретаций. Фреймы являются, по мнению ван Дейк, единицами, организованными вокруг некоторого концепта. Концептуальные схемы, на которые делает упор ван Дейк, по нашему предположению могут стать адекватным объяснением того, что реализуется в процессе чистой формы общения. Ибо без наличия подобных концептуальных схем, дающих объяснения окружающей нас реальности коммуникация становится невозможной. Как писал Гофман, «мы можем терпеть необъясненное, но не можем терпеть необъяснимое». Первичная система фреймов – это основание повседневной жизни, которое дает нам землю под ногами в бесконечном процессе трансформации «общественных форм», если говорить языком Зиммеля. Взаимная переплетенность концепций данных авторов, безусловно,

является собой поле для плодотворного социологического анализа при наличии разнообразия точек зрения на чистую форму общения.

В качестве гипотез сформулируем следующие положения: 1) дискурс чистой формы общения является автономным по отношению к институциональным дискурсам; 2) дискурс чистой формы общения обладает признаками институционального дискурса. Соответственно, задачами нашего исследования являются: 1) выявить отличия дискурсивных стратегий чистой формы общения от общения в рамках институциональных дискурсов и 2) выявить признаки институционального дискурса в дискурсе чистой формы общения.

Нами был проведен опрос 10-ти представителей профессий, чья профессиональная деятельность связана с работой с ситуациями, которые содержат в себе столкновение интересов говорящих в силу тех или иных их целей (конфликтолог, медиатор, учитель, тренер по ведению переговоров, психотерапевт). По замыслу исследования данные специалисты наиболее остро отличают общение ради разных целей. Также используются данные опроса доступных респондентов студентами-психологами в рамках практикума. В качестве методов сбора информации были использованы нарративное и полуформализованное интервью.

Дискурсивная компетентность институциональных дискурсов

Дискурсивная компетентность подразумевает под собой «способность подстраиваться под динамичный контекст дискурсной коммуникации, а также самому выступать в качестве «творца» этого процесса» [Кожемякин, 2008, с. 168]. Конечно, для того, чтобы институциональный дискурс существовал, необходим и определенный процесс научения и включения в дискурс. В каждом институте можно выделить два измерения, которые соотносятся друг с другом как ядро и периферия. В одном измерении человек может объяснять другому содержание дискурса на понятном ему языке, а в другом «глубоком» происходит как бы более герметичный языковой обмен, обмен между профессионалами.

«- Ну вот как формируется его умение, допустим, делать запрос? Как происходит формулировка именно в словах так, чтобы вы его поняли.

- Как я ему помогаю?

- Ну часто такое же бывает, что …

- Ну я могу описать, как я ему помогаю, если человек первый раз пришел на психотерапию, то есть он не в курсе совершенно. Я ему объясняю просто, что психотерапия – это общение, сфокусированное на цели, вот, значит, и поэтому я буду так уточнять, что бы вы хотели, буду приставать с вопросами, чего бы вы хотели, вот. Могу, если это впервые пришедший клиент привести примеры запросов, которые делали клиенты, обращаясь, а потому действительно пристаю с вопросами, чего бы он хотел. Вот здесь важно для меня опираться не только на какие-то рациональные его соображение, но и на его чувства, и через это выйти на его желания. Потому что часто наши желания именно в чувствах скрыты» [Максим Анатольевич, психотерапевт].

«- Ну вот что мне нравится в гештальт-терапии это то, что с клиентом можно говорить на его языке. Мало чему в плане языка нужна обучать клиента. Ну большинство и

так знает, что такое чувства, эмоции. Большинство людей и так знает, что такое потребности, вот. Большинство людей знает, что такое возбужденный или спокойный, например. То есть я редко, на самом деле, обучаю клиентов каким-то специальным терминам, вот значит. А специальные термины, которые приняты в гештальт-терапии, в когнитивной терапии мы больше используем с профессионалами, с коллегами для обсуждения того, что происходило» [Максим Анатольевич, психотерапевт].

Также встречаются и призывы к отказу, растворению границы между профессиональными и повседневными языками.

«Профессиональное общение может быть чуть более нагружено термина, фразами, построениями фраз. Хотя наверное последние года 4 у меня довольно сложное отношение к профессиональном языкам. <…> Вот почему именно последние несколько лет. Мне удалось несколько лет назад побывать на лекциях знаменитого норвежского криминолога Криса Нильса. В которых он тоже говорит о языке. Так вот будучи высокограмотным специалистом с международным именем, да, юристом, криминологом. Когда слушаешь его лекции, то понимаешь, что все окружающие люди вне зависимости от образовательного статуса, уровня культуры, понятно всем о чем он говорит. И с некоторых пор я стала сомневаться в профессионализации языка, потому что я согласна с его идеей о том, что профессиональные языки разделяют людей на узкие сообщества. Для меня это похоже на касты.<…> И вот он рассказывает о том, когда приезжают специалисты насколько важно говорить тем языком, который был бы понятен этим людям. Потому что он там приводит интересный пример. В Норвегии есть деревни для людей с ограниченными возможностями, где они все вместе живут. Жительница этой деревни, она что-то переспрашивает, переспрашивает. Он ей говорит: «Ты что не понимаешь меня». «Нет» - отвечает она – «Если бы я понимала, то я бы здесь не жила». И ему стала очень стыдно. Такая вот ситуация. Во всяком случае. Заметила, что когда начитываешь по определенной теме очень много литературы профессиональной, мгновенно выходит это на язык и начинаешь себя контролировать» [Татьяна Александровна, медиатор].

Здесь мы видим своеобразную деинституциализацию и депрофессионализацию. Мы общаемся с человеком не как с членом профессиональной группы, а именно как с человеком за границами всех профессиональных групп (как выразился информант-психотерапевт «приглашение к диалогическому общению»).

Не только дискурс психотерапии отгорожен «стеной непонимания» от обывателя:

«Бывают такие ситуации. Что касается клиентов, то даже с клиентами лингвистические особенности есть. Потому что один клиент приходит грамотный, высокообразованный человек, просто несколько в другой сфере образованный человек. Прекрасно тебя понимает с полуслова. И достаточно просто ему на определенном уровне ему объяснить юридически грамотно. А приходит бывает бабушка восьмидесятилетняя и ей рассказываешь: «Вот берете вот эту бумажечку, вот идете вот сюда». Уровень разный» [Марина Станиславовна, адвокат].

Особенно ясно дискурсивная компетентность проявляется, когда есть какой-то оттеняющий дискурс, когда субъекту дискурса есть с чем сравнивать.

«Человек, который обучал меня когнитивной терапии, ругался на то, что я достаточно пассивен. Я привык в гештальттерапии так себя вести. Нужно было

определенные усилия делать, чтобы и другой стиль освоить» [Максим Анатольевич, психотерапевт].

В действительности мы видим, что определенные системы воспроизводства знания различных дискурсов вступают в конфликт, обусловленный тем, что фокус внимания в разных дискурсах направлен на разные проявления действительности, что и определяет способ говорения, исключающий все остальные. Это особенно плотно ощущается в ситуации терапевтической беседы в силу её целевой направленности и стремления участников в зависимости от того или иного направления психотерапии «выдавить все лишнее». В этом находит выражение ценностная функция дискурса, которая и помогает нам, участникам определять дискурсивных агентов как «внешних» или «своих».

Понятийные рамки очень важны для представителей институциональных дискурсов, без них не было и систем понятий, которые позволяют функционировать институтам. Если А будет определяться как Б в контексте В не для всех, профессиональная коммуникация легко может быть разрушена.

Гофман выделял предмете коммуникации «задний» и «передний» планы. Возможность успешно совершать переключения с одного плана на другой считается в переговорах показателем компетентности.

«Есть такое понятие для меня. Это понятие профессиональная коммуникация. Это когда человек рассматривает сами переговоры как объект профессионального внимания. То есть в русле своих целей, своих профессиональных задач. В русле возможных манипуляций, давлений, то есть, достигая каких-то определенных результатов. Он, как бы, рефлексируя, находится над этим процессом сверху. Соответственно здесь присутствует контроль эмоций. Здесь присутствуют определенные линии. Определенный набор стратегий. Здесь есть вот такая специфика, когда люди общаются профессионально <…> Ну тем не менее, когда переговоры закончатся, он выйдет и будет общаться с ними на совершенно человеческих основаниях. То есть профессиональные. Выйдя он приобретёт другую роль» [Александр Владимирович, тренер по ведению переговоров].

Здесь мы видим важное разделение. Популярно высказывание, которое является парафразом на теоретические изыскания Гофмана: «Если вы не сможете корректно определить ситуацию, то ситуация определит вас». Действительно, неспособность подобрать адекватную рамку для определения ситуации чревата провалом для человека, вовлеченного в институциональный дискурс, но не обладающего достаточно компетентностью. Когнитивная составляющая фрейма, организованное, объективное знание о мире дают человеку определенное преимущество в организации и дальнейшем развитии знаний о мире.

Следующий отрывок приведен полностью, так как иллюстрирует собой хороший пример дискурсивной компетентности.

«У меня было дело, гражданское. Да несколько. У меня много дел, кстати, было с мировыми соглашениями. Значит, я была со стороны бабушки, у неё умер сын. Они проживали вместе в квартире, которая была приватизирована на двоих, на бабушку и на сына. И доли у них были в собственности. У неё одна вторая и у сына одна вторая. После смерти сын, значит, бабушка наследник, мать его. Да? Наследник первой очереди. И дочь

есть ещё, которая живет отдельно, которая тоже наследник. То есть доля этого мужчины одна вторая квартиры должна делиться между бабушкой и этой девочкой, но учитывая, что бабушка сособственник, да, этого человека и плюс она проживает в этой квартире и пользуется вместе с ним этой квартирой у неё есть преимущественно право при разделе наследственного имущества. То есть она в праве преимущественно поставить вопрос: мне отдайте долю, а я выплачу стоимость доли внучке ей выплачу. Грубо говоря, 700 тысяч, грубо говоря. Доля внучки стоит семьсот тысяч и для того, чтобы заключить мировое соглашение мы должны в суде иметь эти 700 тысяч. Придти и сказать: вот у нас 700 тысяч. Ну там не столько бабушка, сколько её живой, оставшийся в живых сын, они принесли деньги. В процессе мама этой молодой девушки (девушка молодая, мама это за неё ходит) заартачилась. Адвокат как-то не сильно с их стороны сидит. Я понимаю, что она понимает, что лучше так. Просит вселить их в квартиру, определить им эту ¼ долю, просит вселить их в квартиру. И я уговорила. Причем я сказала: вот если бы сейчас я была с вашей стороны и предложили бы деньги с вашей стороны, там, да. Я бы сказала вам как ваш адвокат: «Скорее бегите, хватайте деньги и убегайте, пока люди не передумали». Потому что как вы будете жить в этой квартире? Порядок пользования как вы определите? Все равно доля не вся ваша. Комната. Да там половина этой комнаты. И что вы будете делать? Как вы в этой комнате будете жить? Раскладушку поставите? Продать вы не можете. Все равно вы должны. Как вы будете жить в этой квартире? Вторая доля вам все равно не достанется, у бабушки есть сын, которому уже написано завещание. Вы же понимаете прекрасно. Вот таким образом так вот потихоньку мягко давя можно так же мягко оказывать давление, давление, давление на человека» [Марина Станиславовна, Адвокат].

Несмотря на избыточное, на первый взгляд, обилие фактов, достаточно четкое и компетентное описание дает нам понять, что дискурсивная компетентность в итоге преобразовывает базовое понимание судебных прений. Человек, изучивший за всю свою жизнь все возможные потайные ходы в замке юридического дискурса, понимает условность институциональных норм. Точнее будет сказать их противопоставленность жизненному миру. Затверделость института видится такому человеку как «противная» реализация действий, которые могут быть выгодны экономически или служить другим ценностям: *«Вторая ситуация: Бабушка подала заявление на маму девочки, то есть своей внучки о лишении родительских прав. Девочке 17 уже лет было. 17 лет. Она ушла к бабушке жить. Поругалась с мамой ушла к бабушке жить. Там ещё младшая девочка жила. Мама с отцом уже давно не живет – это бабушка по линии папы. Вот бабушка поставила вопрос о лишении родительских прав. Начали в процессе выяснять. Я говорю так, вот вы знаете. Вот сейчас вы пытаетесь доказать, что мама жестоко обращается с ребенком. И так далее и тому подобное. Во-первых неизвестно, что завтра будет. Завтра вы не понравитесь в чем-то вашей внучке и она вернется к маме. Потом, вашей внучке до совершеннолетия осталось меньше года. Я говорю мы щас все сделаем, чтобы протянуть процесс и мы дотянем до 18-ти лет и у вас возможности уже лишать родительских прав не будет. Девочка будет взрослая. Кто-то мешает девочке жить у вас? Нет, не мешает. Она живет с вами? С вами. Давайте, и вот мы и судья собственно говоря на мою сторону встал, даже органы опеки говорят: давайте заключать мировое соглашение. Пожалуйста, пусть девочка живет у вас. Мама будет. Ну мы там договорились. У мамы очень небольшая*

зарплата. Мама будет ежемесячно 2 тысячи девочке на счет перечислять. Как алименты вот пусть она живет у вас. И договорились. Тут же написали. Тут же судья посмотрел говорит: пишите Марина Станиславовна мировое соглашение. Чё прям тут я говорю? Да, прям тут. Дал мне бумагу я быстренько написала мировое. Мы заключили мировое соглашение. И я встретила эту бабушку через несколько месяцев. Ну где-то она тут живет, я ехала с работы. Она, смотрю, знакомое лицо. Она мне напомнила, кто она и говорит: «ой, вы такая хорошая» Это противная сторона мне говорит. Такая хорошая, а вот ведь вы знаете, а ведь она ушла к маме жить. Ну вот пожалуйста. А ведь вы тут сыр да бор. Нам сейчас войну устроили. Ну и что? Вот все вы правильно сделали. Вот-вот пожалуйста» [Марина Станиславовна, Адвокат].

Здесь можно рассуждать о функциональности института. Но за всей функциональностью стоит реализация интенций каждого конкретного индивида к выполнению того, что является ценным для него. Возможность коммуникации вне института суда позволяет прийти к консенсусу, который может принести больше полезности каждой из сторон (здесь полезность употребляется в узко ситуационном экономическом смысле). Тотальность института условна в глазах профессионала. А нормы его – это строительные кирпичи человеческого существования. Можно опять же предположить, что актер, который циничен, индивид, который недостаточно осознаете существующую ситуацию буде вести себя иначе, как, например, адвокат противоположной стороны из отрывка, повествующего о тяжбе, связанной с разделом доли в квартире. Адвокат, вроде и понимал, что взаимовыгодным является решение, но был, по всей видимости, подавлен своей институциональной функцией защиты интересов клиентов. В итоге адвокат другой стороны убедил противоположную сторону в своей правоте.

В действительности то же самое видим и в чистой форме общения. Несмотря на всю нормообусловленность, человек, «находящийся» в институциональном дискурсе, понимает, что действительно важно в подобном контексте.

Сонаправленность целей

По самой своей сути профессиональная деятельность отобранных информантов содержит в себе определенный конфликт. Так, тюремный надзиратель готов преследовать свои цели вопреки требованиям профпригодности, которые накладывает его профессия и проверяет консультант, работающий с ним. Такой же конфликт зашит и в работе, например, психотерапевта и учителя:

«- То есть тогда получается, что цели терапии – это, чтобы показать клиенту, где проходят границы ответственности?

- Ну да показать клиенту чего он хочет, чего он добивается и к каким последствиям это может привести. Ну как правило клиент оказывается там, где он оказывается за счет того, за счет его привычного способа реагирования. Вот, например, стремление перекладывать ответственность – это тоже один из привычных способов реагирования. И часто бывает важно показать клиенту, что он оказался там, где он оказался за счет его привычных способов реагирования, если он хочет быть в другом месте, то стоит изменить

способ свой, допустим, брать на себя ответственность. То есть нет задачи потакать клиенту в его невротических механизмах.

- То есть это благодатная почва для каких-то конфликтов?

- Ну да, да. Часто клиенты бывают недовольны. Ну если удается им показать, что именно за счет этого способа он оказался там, где он оказался, тогда удается продвинуться. Бывает так, что не удается. Клиент просто сердится: «Я пришел к вам, чтобы вы мне помогли, чтобы вы изменили мою жизнь, а вы не меняете, не хотите брать на себя ответственность, зачем я тогда сюда пришел?». Сердится и уходит от меня. Бывает и такое» [Максим Анатольевич, психотерапевт].

«Вот это общение чистой воды. Но хотят ли они его, к сожалению, дети не имеют права выбирать. Может быть, им тягостно общаться со мной. Поэтому надо как-то стараться. Ну а ты, конечно, вынужден доминировать в этом общении это, к сожалению, наша работа» [Наталья Валерьевна, учитель].

Дискурсивная практика, обусловленная позицией в институте, определяет дискурсивную стратегию поведения и то или иное определение ситуации. Если мы говорим о дискурсивном доминировании в рамках института, то необходимо вспомнить фразу Фуко: «Идеология – это значение на службе власти». Дискурс, в котором победитель в борьбе за значения уже определен, хотя идеология и не может «затвердеть» полностью, находится по шкале твердости ближе к значению «твердый».

Когда же чистая форма общения из институционально обусловленной среды превращается, транспонируется, переключается в среду, в которой их дискурсивная компетентность перестает быть адекватной контексту? Например, в таком случае из практики специалиста по конфликторазрешению: *«И для этого нужен специалист, который, вот, чем занимается специалист по конфликторазрешению? Он, если говорить о процедуре, когда именно две стороны приходят на процедуру, вот, он налаживает коммуникацию, чтобы стороны услышали друг друга, потому что когда они находятся вдвоем без третьего человека, они кричат и не слышат, а когда третий человек и вот он говорит, что вот сейчас вам нужно послушать и помолчать, человек в любом случае сидит и слушает, хочет он этого или нет. Конечно, когда мы говорим о неблагополучной семье, они не всегда фильтруют свой… разговор. Вот, ну стараются, стараются. А если вне, без другого человека, без присутствующего из вне – то там вообще можно, страшно представить. Естественно доходит до драки. Там нет таких норм, которые вот заставляют себя сдерживать. Но это вот те конфликты, которые я сейчас вам рассказываю – это самые распространенные в той неблагополучной среде, с которыми мне приходится работать»* [Зоя Вадимовна, специалист по конфликторазрешению].

Ведь любому заключению брака (если конечно выбор сделан самими супругами, а не их родителями) предшествует определенная форма взаимодействия между субъектами, которая может быть названа «институциализированной», но в неформальной среде. Так, например, если подвергнуть эти формы «ухаживаний» антропологическому анализу, то можно сказать, что вне зависимости от культуры мы увидим в них некие схожие черты. Действительно, можно предположить, что если брак все же был заключен, то это означало, что оба супруга на данном этапе обладали достаточным осознанием целей того дискурса, в рамках которого происходило «общение», и

способностью к «обесцениванию» того, что не соответствует данной дискурсивной практике. То есть можно предположить, что при использовании ключа «церемониала» (ceremonial) два простых человека перестали быть «просто людьми», а стали супругами, вовлеченными в брачный дискурс, дискурс домохозяйства и т.п. Это все наводит нас на мысли о дискурсивной компетентности включенных в институт людей и того, как происходит подобное научение на практике.

Определенный намек на регулирование доступности мы видим в следующей цитате: *«Дома я могу молчать <смеётся>. Дома я должна быть (нет, неправильно). Дома я ничего не должна в общении, по идее. Я какая есть, такая есть. Я могу не общаться по идее. Я могу регламентировать свое общение. В школе я обязана общаться с людьми всеми, нравятся они мне или не нравятся»* [Наталья Валерьевна, учитель].

Довольно часто встречающееся словосочетание «институт семьи» обнажает свой смысл в данном отрывке. Набор определенных правил, норм, конвенций реализуется и в среде, которая по первоначальной наивной гипотезе исследователя являлась свободной от жесткой регуляции, но, однако же, мы видим для того, чтобы осуществлялась коммуникация необходимо достаточно жестко определять ситуацию (например, закрыть дверь, как говорит информант дальше по тексту интервью). Способность сознательно регулировать режимы вовлеченности противопоставляется респондентом в данном случае предзаданности публичной сферы. Актер, уставший от лицедейства на переднем плане, отбрасывает «казенный характер существования», вовлекаясь во взаимодействие в институте, который дает больше простора для взаимодействия.

Также представляет интерес концепция, касающаяся степени сонаправленности целей.

«То есть жесткие <переговоры> – они не в плане давления какого-то психологического. Это не грубое слово. Жесткие они в плане первоначального ресурса: мы имеем разные цели, да? Либо мы хотим с вами оба на этот стул сесть. Сесть хотим оба, а стул – один. Мы будем искать варианты. Вполне возможно, что мы найдем что-нибудь ещё, какие-нибудь диваны дополнительные. И в итоге договоримся, кто будет сидеть на этом стуле, чтобы другой не был проигравшим.<…> В коммерческих переговорах играет роль цена, количество и сроки. И нам необходимо договориться, как это будет протекать. То есть у вас есть максимально комфортные вам условия, а у меня есть максимально комфортные мне условия. <…> Так как здесь очень много параметров всего. Тут и цена, и сроки, и условия поставок, то есть мне легко где-то здесь уступить, где-то вы уступите и в итоге мы найдем какой-то итог, который будет устраивать нас обоих. <…>Но как правило в коммерческих переговорах практика делооборота уже сложилась какая-то в зависимости от отрасли, то есть принято, что поставщики поставляют в зависимости от отрасли, то есть поставщики поставляют товар без предоплаты на ряде рынков, а закупщики хотят естественно большой срок предоплаты, то есть уже есть 20 дней общепринятые, а они говорят давай 25. Хорошо, 25 дам тогда цена будет чуть подороже, чтобы мы снизили свои риски и вот тут происходят определенные разговоры по поводу этого» [Александр Владимирович, тренер по ведению переговоров].

Таким образом, мы можем говорить о различной степени

сонаправленности и противонаправленности целей. Если прибегнуть к метафоре, которая может быть позаимствована из такого раздела физики как механика, то можно представить, что цели, находящиеся «под разным углом» друг другу будут соударяться с разной силой, как упругие шары. Ведь больший диапазон ситуаций, вариантов разрешения снимает напряженность противонаправленности целей двух агентов, так как не предполагает жесткой борьбы за один и тот же ресурс и больший простор для создания «продукта переговоров».

Дискурсивная компетентность чистой формы общения

Действительно, многие информанты выделяли свои ощущения социальных рамок не только в контексте их профессиональной деятельности, но и в контексте неформального разговора, не организованного теми дискурсами, к которым принадлежит их профессиональная деятельность. Таким образом, наиболее чувствительными к подобным границам оказались люди, связанные с профессиональным полем психологии и психотерапии:

«Я ещё подумал, что в силу того, что одна из целей психотерапии помочь клиенту соприкоснуться с разными темами, да. С разными сферами жизни и пережить разные эмоции, то бывает иногда у меня в таком общении ради общения, я начинаю затрагивать темы, которые не принято затрагивать в повседневной жизни, то есть мне об этом говорят, я привыкаю их затрагивать в психотерапии, а получается, сфера дозволенного в повседневном общении бывает уже» [Максим Анатольевич, психотерапевт].

Эмоциональные переживания, «импульсы», как их называл Зиммель, в рамках чистой формы общения находятся в узде всеобщего благополучия. Чистая форма общения – это ответ на вопрос как побудить индивида включиться во всеобщую связь и жить для нее; как, в свою очередь, сделать так, чтобы эта связь наделяла индивида ценностями и идеалами; как превратить жизнь индивида в средство для достижения целей целого, а «жизнь целого — в средство достижения целей индивида». То есть глубокого воздействия на личность, которое предполагает институт психотерапии, не предполагается в чистой форме общения.

«Если я могу сказать клиенту, что на основе каких-то вещей у вас все происходит так-то так-то и так-то… Ну, я не скажу какому-нибудь товарищу: ты попробуй с матерью вот так вот так поговорить. Ну, это некоторая граница такта. Я не лезу в личную жизнь. Я не лезу в личную жизнь человека с рекомендациями. Потому что это личная жизнь человека. Это личная жизнь человека, которая меня не касается в общем-то» [Антон, консультант по профпригодности тюремных надзирателей].

В данном отрывке нам видится явное противопоставление чистой формы общения и общения психотерапевтического. Как говорил выше информант-психотерапевт: «*Если клиент никогда не был на психотерапии, я объясняю ему, что психотерапия – это общения сфокусированное на цели»* [Максим Анатольевич, психотерапевт]. Цель же чистой формы общения постоянно меняется и находится в поле самого разговора. В этом и есть один из важных моментов дискурсивной компетентности чистой формы общения: уметь не удариться в серьезность, сохранив при этом все признаки компетентности.

Есть некоторое различие в подходах психотерапевтов и медиаторов. Как лаконично выразился один из информантов: *«Психолог настроен на коррекцию личности. Я же только создаю условия для нормализации социальных отношений. В этом плане я более слабое орудие воздействия на психику человека»* [Ирина Анатольевна, преподаватель, медиатор].

Возможно, это и является объяснением разного подхода информантов, занимающихся психотерапией либо конфликтологией, к возможным столкновениям с нормами, определяющими институциональную компетентность чистой формы общения. Ниже представлен фрагмент разговора, касающийся возможных конфликтов и проникновения в интимную среду собеседника человека, занимающегося психотерапией.

«- Как вы это оцениваете вообще это явление?

- Как я оцениваю? В силу своей деятельности я привык говорить о разном, да? И как бы эта привычка она работает и в повседневном общении. Ну, это как бы для меня не страшно, не запрещено в силу профессионального общения, а для людей, которые не имеют отношения к психотерапии это более сложно» [Максим Анатольевич, психотерапевт].

Данный отрывок говорит о том, что в действительности наличие определенной границы, определяющей институт, проходит внутри сознания человека. По Гофману, человеческие сложившиеся формы коммуникации способствуют и поддерживают подобное разделение, что выражается в разработанных им концепциях «работы лица», «заднего плана», «переднего плана», а также в рассмотрении игры актера как циничной либо искренней. В случае с искренней – человек верит в то впечатление, которое он производит, а в циничной модели поведения преобладает внутреннее напряжение, которое заставляет человека «ерзать». В данном же случае мы видим, что человек как бы «растворяет» подобные представления и не делит свое Я на «Я-психотерапевтическое» и «Я-обыденное», что в холистическом направлении психотерапии рассматривается как проявление психического здоровья и описывается понятием «осознанность». Таким образом, мы можем говорить об «осознанности» чистой формы общения, для анализа которой может пригодиться психологический термин «интроекция», который в данном случае подразумевает, если вновь воспользоваться терминами Гофмана искренность или неискренность данного общения. Данное понятие добавляет нам возможностей в аналитическом описании «чистой формы общения».

Выделение понятия «осознанность», безусловно, нарушает герметичность социологического описания данной проблемы, но дает нам возможность более объемно описать «чистоту» общения как такового. Ведь в действительности интрапсихические состояния человека выплескиваются в его общении и определяют «качество» его взаимодействия. Фредерик Перлз объясняет механизм интроекции, через аналогию с потреблением пищи. «Физическая пища, когда она соответствующим образом переварена и усвоена, становится частью организма; однако пища, которая «ложится камнем на желудок» – это интроект. Вы сознаете, ощущаете это, и хотите освободиться от нее. Если вы это делаете, вы выбрасываете ее из своей «системы» <…> Если это не физическая пища, а понятия, «факты» или нормы поведения, – дело обстоит так

же. Теория, которой вы овладели, «переварена» в деталях, так что вы сделали ее своей, и вы можете пользоваться ею гибко и эффективно, потому что она стала вашей «второй натурой». Но «урок», который вы проглотили целиком, без понимания, доверяя, скажем «авторитетам», и применяете теперь «как будто» это ваше – это интроект. Хотя вы подавили первоначальное замешательство, когда это насильно в вас впихивалось, вы не можете реально пользоваться этим знанием, потому что оно не стало вашим; в той мере, в какой вы загрузили свою личность проглоченными кусками того и сего, вы ослабили способность думать и действовать «от себя», по-своему» [Перлз, 2002, с. 123]. Ведь само по себе общение, если оно является одной из форм «обобществления» неразрывно связано с психологическими механизмами. Таким как допустим наказание или подкрепление. В общении мы тянемся к тем, с кем нам хорошо. Осознанность дает возможность играть свою роль более ярко и более «искренне». Не руководствоваться правилами вроде невторжения в частную жизнь или возможности использования его игрового преломления в процессе чистой формы общения, как чем-то внешним, а как чем-то, что можно сознательно употребить в процессе игры. Так, рассказанный кем-то порочащий третье лицо факт теряет свою силу в процессе игры. Он как бы отмывается от своего порока и становится просто символом, «легким художественным проявлением». Осознанность в данном случае помогает сохранять данный психологический баланс между сугубо частным и сугубо публичным (при этом границы могут меняться) и пользоваться данным фактом для воспроизводства чистой формы общения. Без какого-либо проявления искренности (осознанности) в данном случае невозможна коммуникация, называемая «Чистой формой общения» и коммуникация вообще. Гофман писал, что избыточный самоконтроль приносит такой же урон коммуникации, как и полное отсутствие самоконтроля. В действительности понятия «вовлеченности» не является синонимичным понятию «осознанности»: вовлеченность может быть как осознанна, так и нет.

Можно выделить определенную институциональную обусловленность «чистой формы общения» и необходимую для этого общения компетентность и некоторое, возможно «довлеющее» воздействие на субъекта дискурса.

«Да, безусловно. Я думаю, что среда определяет человека процентов на 50 - 60. Есть такое выражение, которое мне нравится - «интеллектуальный бульон». Человек, который рос в интеллигентной среде, он более богат в плане эмоциональном, психологическом. Мне кажется, что человеку сложно выбиться из среды, в которой он живет. Поэтому он так или иначе подстраивается под среду. Ну и соответственно под уровень общения. Родители не могли привыкнуть к общению. Мне пришлось расти до того уровня, куда я попала. Работать над собой» [Наталья Валерьевна, учитель].

«Во-первых, для женщины общение очень важно. Приходя на работу каждый рассказывает, что вспоминает, каждый рассказывает о своем, что произошло за день. Течение собой идёт мысли, и получается разговор. Бывает, не хочешь говорить, но окружающие тебя раскручивают, и получается такой разговор уже не двух, а более людей» [Анна, библиотекарь].

«Я думаю где угодно, иногда даже не ожидаешь, иногда даже не хочешь общаться. Бывает порой хочется побыть одной, куда-то едешь даже где-то в транспорте, но если

начинает человек говорить, то невольно подключаешься в беседу» [Елена Александровна, офис-менеджер].

Жанр чистой формы общения изобретает и свои способы поляризации индивидов, упрощенных до социальных типов. Так, к примеру, человек, избегающий подобной формы взаимодействия, определяется как чужак или «инвалид» общения. Виртуозы же превозносятся и наделяются властью в рамках дискурса чистой формы общения. Здесь важно соотношение когнитивных структур человеческого сознания со структурами, заложенными в дискурсе, и, с другой стороны, влияние социальных структур на структуры дискурса. В действительности, грустить на дне рождении (неважно своем или чужом) вам вряд ли придется продолжительное время. Всегда найдутся заботливые люди из окружения, желающие вам помочь, ради сохранения сакральности происходящего веселья. Власть символа веселья непоколебима, ибо коммуникация не должна нарушаться. Она представляет собой саму суть того, благодаря чему возможно общество. Согласно ван Дейку, социальные структуры не определяют тексты, которые воспроизводятся индивидами. Скорее, «субъекты социальных отношений наблюдают, переживают, интерпретируют и репрезентируют социальные структуры». Как же быть здесь живому человеку, который испытывает общественно неодобряемые эмоции, и не хочет вовлекаться во всеобщую игру? Ван Дейк писал, что «власть» от «доминирования» отличается тем, что тот, кто хочет доминировать вводит подчиненного в заблуждение, искажая факты. Видами злоупотребления коммуникативной властью он называл манипуляцию, внушение, дезинформацию. По всей видимости, когда игра чистой формы общения начинает терять свой смысл, свое внутреннее содержание для её участников, и становится просто способом реализации «долженствования» тогда и нарушается естественное течение социальной жизни. Тогда чистая форма общения теряет свое содержание и становится пустой формой, ибо чистая форма общения подразумевает не отсутствие содержания, а содержание «сколь бы ни было оно ценно и привлекательно само по себе, становится правомерным, уместным и целесообразным лишь в связи с функциональным целым разговора как такового».

Некоторые информанты рассматривали сонаправленность целей, как необходимую составляющую дискурсивной компетентности чистой формы общения: *«Ну чаще это когда перед группой людей, которых объединяет только формальные отношения, ставилась какая-то общая цель, которую они должны были достичь вот именно общаясь между собой. И вот, я думаю, что в таком как раз общении и появляется неформальная сторона. И чем дальше заходят такие отношения, тем.. эта вот… этот неформальный, неформальная беседа больше проявляется, и поэтому, я думаю, что всё-таки основными ситуациями, когда происходит смена, в общем то… ситуации, когда у людей есть общая цель, которую они должны решить сообща»* [Николай, менеджер по продажам].

В действительности, информант видит различие чистой и «нечистой» формы в различии сфер целеполагания и необходимости коммуникации для достижения цели. Ведь мы не можем видеть в нашем коллеге только его

должность. Для осуществления профессиональной деятельности необходимо видеть так же и живую составляющую человека, просвечивающую сквозь все социальные наслоения. Напряжение, накладываемое целеполаганием, вынуждает нас к необходимости более полного контакта с окружающими нас людьми. Чистая форма общения дает почувствовать близость со всеми, при этом не будучи близким ни с одним. Это парадоксальное заключение вполне в духе Лао-цзы и Зиммеля единственный доступный нам способ «уловить неуловимое». Эта ситуация нахождения над всеми «объективными структурами» и «вдали от света и мрака глубин жизни» и составляет то умение, которому стоит учиться, но никогда невозможно достичь в идеале, ибо мы не герои этюдов Зиммеля. Мы же в свою очередь можем создать модель, которая способна уточнить и приблизить описание чистой формы общения к задумкам Зиммеля и построить мост между ним и современными учеными.

Исходя из анализа данных, мы можем выделить несколько особенностей дискурсивной компетентности чистой формы общения.

- экспрессивность (на уровне речевых актов используются чаще всего экспрессивы)
- нерефлексивность целей (цель не осознаются, хотя являются сонаправленными)
- институциализированность (наличие определенных правил, норм и контроль за их соблюдением). Здесь, безусловно, стоит упомянуть процесс «анаксиоматизации», который происходит в дискурсе чистой формы общения. Этот процесс включает в себя обесценивание языковых норм, не соответствующих дискурсу в целом (его целям, дискурсивным практикам).
- также мы можем предположить, что имеет место отличие уровней вовлеченности (involvement) коммуникантов в отличие от других институциональных дискурсов.

Теоретическое представление чистой формы общения

Выделенный выше понятийный фундамент дает нам теоретическую рамку для описания чистой формы общения.

Рисунок 1. Теоретическое представление разновидностей общения

1) В первом, случае, если мы говорим о чистой форме общения, препятствия на пути коммуникации минимальны. Эта ситуация наиболее приближенная к тому, что описывается Зиммелем в статье «Чистая форма общения: пример чистой или формальной социологии». Свободный от всякого дебалансирующего влияния идеал взаимодействия. Каждым соблюдаются правила взаимодействия: невторгаемость в интимную сферу, а также незатронутость внешними институтами института чистой формы общения. Плодотворным было введение шкалы искренности – циничности (Гофмана) либо осознанности – неосознанности (Перлза), так как оно позволяет расширить границы описания и глубину понимания данного явления. В данном случае возникает вопрос соотнесенности понятий компетентности и искренности. Может ли общение человека, исполняющего свою роль цинично, быть чистой формой общения? Если мы говорим об ответственности в психологическом её понимании, подразумевающем осознанность, то она только способствует творчеству и творческому поиску в рамках чистой формы общения.

2) Если мы говорим о противонаправленности целей, но при этом сохранении дискурсивной компетентности, то здесь возникает простор для фабрикаций различного рода. Так, торговец на улице Стамбула вполне может выглядеть доброжелательно при сохранении всех внешних признаков дискурсивной компетентности чистой формы общения, но при этом на самом деле стремиться продать товар по цене в два раза выше рыночной. Или же двое юристов могут прибегать ко всем своим умениям и навыкам ради достижения наибольшей обоснованности своих позиций в суде. Судя по рассуждениям информанта-адвоката подобный вид деятельности тоже может вполне себе представлять идеальный тип, так как важно введение такого понятие как «исполнимость» решения суда.

То есть мы можем говорить, что в некоторых ситуациях стремление к диалогу может быть признаком дискурсивной компетентности и во многих случаях реализация оной не заключается в максимальном отстаивании своей

позиции. Такое возможно в теории, но на практике мы сталкиваемся с огромным пространством факторов, которые отваживают агентов от стремления к реализации идеального типа.

3) Если говорить о противонаправленности целей и дискурсивной некомпетентности, мы можем обратиться к опыту специалиста по конфликторазрешению, который столкнулся в электричке с эпизодом ссоры двух девочек, дошедшей до драки. Родительское вмешательство повело к разговору о привлечении правоохранительных органов в данный конкретный конфликт. В свою очередь подобное поведение было оценено конфликтологом как способ «перекладывания ответственности». Также, возможно, сюда можно отнести приведенный выше психотерапевтом пример, касающийся того, что во время обучения альтернативному направлению психотерапии обучающий делал ему замечания о недостаточной активности по отношению к клиенту, связанной с большей вовлеченностью в дискурс другой парадигмы психотерапии, которая может трактоваться как «некомпетентность».

4) В последнем случае мы говорим о ситуациях, когда возможно один или несколько участников коммуникации являются исключенными из дискурса, но при этом цели общающихся совпадают. Например, чей-то приятель, пришедший на вечеринку, который не так-то знаком с системой номинаций (Что в данном контексте С значит Х?) будет стремиться к реализации чистой формы общения, но при этом не совсем адекватно реализовывать дискурсивные практики данного сообщества.

Является ли чистая форма общения ключом, фреймом или институтом?

Гофман говорил ключах и переключениях: «Это понятие я соотношу с набором конвенций, посредством которых определенная деятельность, уже осмысленная в терминах базовой системы фреймов, трансформируется в иной, с точки зрения участников, вид деятельности». По Гофману, существует бесчисленное количество ключей.

Большинство респондентов не испытывают пространственной привязки «чистого общения» к тому или иному месту или времени. Выражая примерно следующее: *«Эта граница на уровне ощущений, на уровне эмоциональных состояний. С чем сравнить? Если брать какой-то материал, то профессионально общение – оно более жесткое. А личное – оно более воздушное. И оно абсолютно точно внутри проходит и оно на уровне ощущений <…> А что является обычно поводом для общения со своими коллегами в такой вот легкой манере. Наверное, какая-то новизна или интерес к тому, что мы обсуждаем и может нахождение чего-то общего. И тогда появляется легкость. Но легкость может быть немножко другая в плане какого-то творческого мышления, когда друг за друга цепляешься. Развиваешь, вроде говоришь профессиональным языком. Вроде, идешь по профессиональному, решаешь какую-то профессиональную проблему, но вот она как-то вот так уже за счет диалога вот этого дает такое интересное ощущение от результата»* [Татьяна Александровна, медиатор].

Скобки не имеют привязки к пространству в случае с чистой формой общения. Скобки являются, как писал, Гофман составляющей опыта. Один информант заметил, когда его спросили об определенности чистой формы

общения физическим пространством:

«Может переходить плавно от одного типа к другому. Границы как-то нету. Один тип общения от другого можно отличить по вопросу, как человек его ставит» [Анатолий, дизайнер].

Поиск новой информации, направленный на ту или иную сферу и определяет границы опыта «чистой формы общения». Чистая форма общения часто становится совместным творческим поиском. В действительности не стоит забывать о том, что, для того, чтобы коммуникация состоялась и «удовольствие от творчества» было получено, необходимо, чтобы существовало определенное соглашение о коммуникации. Да действительно, коммуникация определяет внутреннее состояние индивида, возможно, и не на сто процентов, но она важна для его развития. Научение эффективным моделям дискурсивного поведения, происходящее в процессе социализации, формирует и мышление человека, вовлекающегося в ту или иную форму общения. Обесценивание неэффективных моделей способствует формированию дискурсивной компетентности. Границу провести невозможно, но можно представить определенные нормы и способы того, как достичь реализации чистой формы общения на уровне институциональных механизмов фрейма. Безусловно, это вызывает ассоциации с метафорой сознания как «черного ящика», но нам для нашего рассмотрения этого вполне достаточно. Мы считаем, что нормы дискурсивной компетентности, которыми обладают успешные члены института чистой формы общения, примерно одинаковы для всех людей.

Для большей четкости попробуем рассмотреть чистую форму общения через призму функций дискурса. Например, когнитивная функция дискурса реализуется в чистой форме общения, например, в процессе социализации. Каждый из нас осознанно либо неосознанно имеет представление о том, какие темы, какие жанры разговоров будут приемлемы в рамках такого общения. Как говорить? Говоря стихами в некоторых контекстах, можно быть принятым за сумасшедшего. Мишель Фуко обращал внимание на то, как дискурс обеспечивает сцепление высказываний в единую систему понятий, тем самым скрепляя их в единую когнитивную систему. Тем самым когнитивная составляющая институционального дискурса не столько формирует знание, сколько формирует правила для формирования знания. Тем самым дискурс чистой формы общения, помещая человека в прокрустово ложе между интимной средой личности и внешними институциональными проявлениями, оказывает влияние на формирование будущих знаний, умений и компетенций в рамках института чистой формы общения.

Ценностная функция позволяет дискурсу воспроизводится. Оценивая проявления реальности с точки зрения бинарной оппозиции «хорошо-плохо» институт воспроизводит себя, легитимируя или отвергая те или иные практики. Практика молчания легко может быть отвергнута окружающими в рамках дружеской вечеринки, но безусловно принята в студенческой аудитории во время лекции. Опять же как уже было сказано выше в свете обсуждения возможности применения терминов гештальт-терапии, некоторые ценности могут быть навязаны сверху, продолжать воспроизводиться, но без присущего

им блеска, которым обладает игра искреннего актера.

Конструирующая функция дискурса подразумевает создание коммуникантами образа желательного или необходимого. Нормы блокируют нежелательные дискурсивные проявления: в некоторых случаях мат уместен, но понимание в каких случаях и в каких количествах он уместен и подразумевается под дискурсивной компетентностью чистой формы общения. Эта функция обусловлена тем, что человеческое познание опосредовано различными знаковыми системами. В процессе реализации чистой формы общения посредством институциональных механизмов фреймов происходит закрепление за знаками определенных смыслов и это и создает институт чистой формы общения. Также в этом процессе реализуется дискурсивная компетентность [32, с. 150].

Все же стоит заметить, что чистая форма общения является скорее институтом, чем ключом, так как она является скорее структурой, каркасом взаимодействия, чем способом перенастройки. Ключами являются определенные речевые ходы, которые приписываются чистой форме общения. Удачно рассказанный анекдот может переопределить ситуацию, как и анекдот рассказанный неудачно. Скорее отдельные импульсы, развиваемые чистой формой общения, могут служить ключами, но сама чистая форма общения как понятие ближе к понятию фрейма, либо института.

Заключение

Разные подходы обусловлены разными целями дискурсов. Если конфликтолог работает с конкретным фреймом, с конкретной ситуацией, как и, допустим, адвокат, то психотерапевт, скорее, стремится изменить саму личность индивида, точнее даже научить индивида меняться самому. То есть стремится научить человека сознательно преобразовывать фреймы, с которыми он столкнется на своем жизненном пути, переписывать их когнитивную составляющую или же что-то ещё.

В действительности давний конфликт социологии с психологией зашит в самих предметах этих дисциплин. Социология концентрируется на социальной обусловленности жизни индивида. В то время как психология же концентрируется на внутреннем мире индивида. Если же конфликты его обусловлены взаимоотношениями, которые находятся вне реальности психологической, сюда вторгается реальность социальная. Точнее даже будет выразиться, что, когда эти отношения проблематизируются, они становятся благодатной почвой для объяснения конфликта.

Как мы видели выше человек, сталкивающийся с нормами дискурсивной компетентности, имеет выбор, как их трактовать. Показателен в данном случае опыт юриста, в котором мы можем видеть противоположные способы толкования норм. Мы можем получить законное решение, при этом абсолютно не ведущее к каким-то субъективным моментам удовлетворения сторон, что постулируется одной из целей института. Приведем вновь уже имевшую место выше быть цитату: *«Можно получить решение суда, хорошее, решение, в вашу пользу, но ничего не получить по этому решению реально. Это не исполниться. ИЛи будет очень долго*

и трудно исполняться.<…> То есть вы видите, а ваш подзащитный хочет естественно получить что-то» [Марина Станиславовна, адвокат].

Институт противопоставляется естественным человеческим отношениям, «жизненному миру», если можно так выразиться. Примерно похожее разделение мы видим, когда проводим различия психотерапевта и конфликтолога. Как выразился конфликтолог: «Я более слабое орудие воздействия на человека» соответственно и нормы дискурсивные в институте конфликтологии будут другими. И, возможно, глубина профессионального изменения человека. Как уже было сказано, изменение институциональной ситуации одного фрейма – более простая задача, нежели систематическое и осознанное «фреймотворчество». Таким образом, дискурсивная компетентность тесно связана с умением пользоваться различными ключами, пониманием различных фреймов и целей дискурсов. Агенты разных институтов творят в разных средах и поэтому научаются профессиональной «настройке» в рамках разных институциональных сред.

В чем причины разного подхода информантов к столкновению с нормами, определяющими дискурсивную компетентность? Причины могут быть различными. Если мы допустим конструктивистскую трактовку, в которой знание видится как обладающее приспособительной функцией, то мы можем предположить довольно очевидное объяснение различного подхода информантов их приспособленностью к разным дискурсивным средам. То есть способ реагирования, который избрал для себя каждый индивид по ходу вхождения в институт и будет причиной того, почему разные информанты по-разному реагируют на столкновения с нормами. Так, например, в профессиональном сообществе медиторов существует определенный стереотип восприятия юристов: *«Например, юрист оценивает ситуацию с точек зрения норм права. В основном анализирует прошлое, что происходило в прошлые периоды. При этом он работает с позициями, с тем, что заявлено в исковом заявлении или в претензии. Ищет прецеденты. И согласитесь в такой работе зачастую выхолащивается человеческое содержание начинают довлеть нормы над интересами людей. Юрист скован довольно узкими рамками процессуальных правил»* [Марат Александрович, медиатор].

Как мы видим, данное представление о юристе не совпадает с рассмотренным выше случаем того, что и в работе юриста институциональные нормы – это не только цели, но и средства. Так, цели профессионального дискурса медиаторов требуют от них конструирования норм обоснованности своего существования.

«*Мы не медиаторы но тем не менее в определенной степени мы медиаторы. Если хороший адвокат, он медиатор. Потому что медиаторы – это люди абсолютно бесстрастные, то есть они не должны здесь вставать. Я в любом случае иду со стороны своего клиента. Я вижу смысл, затратность, длительного процесса, ведь и моя работа небесплатна, он мне платит, оплачивает каждое судебное заседание. <…> Да, медиаторы их специально учат. Учат выбирать какой-то. Но полагаю, если клиент со мной работает то я способна убедить по возможности противоположную сторону и своего клиента без медиаторов, если есть положительный эффект в частности для моего клиента убедить его заключить мировое соглашение*» [Марина Станиславовна, адвокат].

Тем самым мы видим, что системы интерпретаций порой бывают не совсем адекватны реальности. В действительности, институт медиации создан как способ снятия нагрузки с судов, но опять же своим существование не предполагает полной невозможности достижения конструктивного решения двумя сторонами в рамках судебного разбирательства. Уолтер Липпман, занимавшийся исследованием феномена стереотипа, выделил его функциональные значения, помогающие носителям создать определенную систематизацию информации о мире. Столкновение же с фактами, противоречащими этому, вызывают когнитивный диссонанс. Дискурсивная компетентность – это часть личности общающегося, поскольку дискурс, критически вовлекая индивида, воздействует на когнитивную составляющую его сознания.

В действительности же мы можем предположить, что истинная дискурсивная компетентность возникает, когда человек начинает ориентироваться не на абстрактные, сформированные, навязанный когнитивные составляющие дискурса в своей голове (как, допустим, описывает их ван Дейк) [ван Дейк, 2009, с.48], не на представления об идеальном дискурсивном порядке, а на реальные институциональные состояния.

На уровне малых групп мы действительно можем отличить общение, принявшее серьезный, глубоко социальный, оборот от общения, которое обычно зовётся «разговором за жизнь». Чистая же форма общения – это форма коммуникации позволяющая привести всех к общему знаменателю, при этом черпающая темы из внешних сфер. Нет ничего такого в чистой форме общения, чего не было бы во внешней реальности. Институциализированность дает возможность чистой форме общения транслироваться и воспроизводится из поколения в поколения, а также на уровне социальных слоев. Дискурс чистой формы общения, обладая, как мы выяснили вы по тексту, определенной критической составляющей, реализуется агентами в процессе артикуляции, вплетения (по аналогии с рыболовной сетью Лаклау и Муффа) новых понятий. Так и происходит развитие данного дискурса. Его особенность заключается в том, что понятия, вплетенные в него могут принадлежать к различным институциональным дискурсам, но при этом удерживаться вместе. Ведь в сущности, о чем только не говорят люди на досуге: о йоге, серийных убийцах или игре на гитаре. Все это может, и оно является частью какого-то другого институционального дискурса, но в дискурсе чистой формы общения, оно предстает в ином свете. Чистая форма общения соткана из обрывков подобных понятий. Институт же чистой формы общения позволяет активизировать институциональные механизмы артикуляции и циркуляции понятий в нём.

Мы не можем достичь абсолютной свободы общаясь, но мы можем договориться о том, как приблизиться к ней. Это способность можно описать по-разному. На помощь нам приходят метафора театра и модель дискурсивной компетентности. Но суть у них одна и та же. Если прибегнуть к трактовке Зиммеля, то мы можем сказать, что содержанием их является процесс обобществления.

Столкновение с нормами чистой формы общения ведет к «починке»

неисправностей в осуществляющейся системе взаимодействий. Если в систему вклиниваются фабрикации, общение перестает быть чистой формой. Нас всегда готовы вернуть в реальность наши соратники. Специалисты готовы указать молчанием на то, что ты плетешь не ту сеть.

Хотелось бы завершить нашу работу словами Зиммеля: «Так что можно понять облегчающее и разрешающее воздействие многих этих из чистых форм существования воздвигнутых царств: в них мы хотя и отпускаемы жизнью, но живем. Созерцание моря внутренне освобождает нас, и не вопреки, а именно потому, что в нем — в набегании и отступании, в игре и преломлении волн — воспроизводится жизнь в простейшем выражении ее динамики, жизнь, чуждая переживаемой реальности, тяготам единичных судеб, глубочайший смысл которых кажется, тем не менее, каким-то образом вплетенным в эту простую картину…».

Список литературы:

Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация / Спб.: 1999. 430 с.

Байяр П. Искусство рассуждать о книгах, которые вы не читали / Текст. М.:2012 г. 302 с.

Барт Р. Война языков [Электронный ресурс]. [Обращение к документу 20 марта 2014]. Режим доступа <www.kremlyakov.ru/library/002.rt>

Барт Р. Лекция [Электронный ресурс]. [Обращение к документу: 26 декабря 2013]. Режим доступа <http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-all.htm#_Toc34617097>

Батищев Г. С. Особенности культуры глубинного общения //Диалектика общения. Гносеологические и мировоззренческие проблемы. М.: ИФ АН СССР, 1987.

Батыгин Г., Подвойский Д. История социологии. М.: Высшее образование и наука, 2007.

Бауман З. Индивидуализированное общество / М.: Логос, 2005.

Выготский Л. С. Мышление и речь / М.: Лабиринт, 1999. 352 с.

Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступит. статья Г. С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон, 2000.

Дейк ван Т.А. Дискурс и доминирование // Современный дискурс анализ 2009 Вып. 1. т. 1.

Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

Докучаев И. И. Введение в историю общения / Владивосток: Дальнаука, 2005. 342 с.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда// О разделении общественного труда; Метод социологии. М.: Наука, 1991.

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер, с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М.: Канон+, 1998.

Зиммель Г. Женская культура / Философия культуры. М.: Юрист, 1996.

Зиммель Г. Как возможно общество // Социологический журнал. 1992. № 2. С. 102-114.

Зиммель Г. Общение. Пример чистой, или формальной социологии [Электронный ресурс]. [Обращение к документу 13 октября 2014]. Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/aver/05.php>

Каган М.С. Мир общения. Проблема межсубъектных отношений /М.: Политиздат, 1998.

Кожемякин Е. А. Лингвистические стратегии институциональных дискурсов // Современный дискурс-анализ. 2011 вып.3.

Кожемякин Е.А. Дискурсный подход к изучению институциональной культуры / Е.А. Кожемякин. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. 244 с.

Кравченко Е.И. Социология лицедейства. М.: Изд-во МГУ, 1997.

Леонтьев А. А. Психология Общения [Электронный ресурс]. [Обращение к документу 23 ноября 2013]. Режим доступа <http://www.law.vsu.ru/structure/criminalistics/books/leontyev_psy.pdf>.

Майерс Д. Социальная психология. М., 1998.

Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во международного ун-та бизнеса и управления, 1996.

Парыгин Б.Д. Анатомия общения: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 1999. 301 с.

Перлз Ф. Практика гештальттерапии / М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. 480 с.

Резаев А. В. Парадигмы общения. Взгляд с позиций социальной философии. // СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993

Ритцер Дж. Современные социологические теории // 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с: ил. (Серия «Мастера психологии»).

Серль Дж. Что такое речевой акт? [Электронный ресурс]. [Дата обращения 28 апреля 2014]. Режим доступа < http://www.philology.ru/linguistics1/searle-86.htm>.

Трегубова Н. Социология общения: основания проблематизации [Электронный ресурс]. [Обращение к документу 23 ноября 2013]. Режим доступа < http://comparsociology.com/archives/2803>/

Филлипс Н. Что такое дискурс-анализ? // Н.Филлипс, С.Харди. Современный дискурс-анализ.2009. Вып.1 Т.1

Франкл В. Человек в поисках смысла / Общ. Ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьев; вст. ст. Д. А. Леонтьев. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Фромм Э. Здоровое общество / Э. Фромм. М: АСТ: Транзиткнига, 2005.

Фуко М. Археология знания / СПб: Гуманитарная Академия, 2004. 280 с.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева, послесл. Б. В. Маркова. СПб.: Наука, 2000. 380 с. («Слово о сущем»).

Хьелл Л. Зиглер Д. Теории личности / 2-е изд., испр. СПб. и др. : ПИТЕР, 1997. 606 с. ; 24 см. (Мастера психологии).

Шостром Э. Человек – манипулятор / М.: Апрель-Пресс, 2008. 192 с. 4000 экз.

Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. №2. С. 129-137.

Евгений Максимович Москвин – магистрант 1-го года обучения по направлению подготовки «Социология», Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск.